

А. Леонтьевъ.

ВОЛОСТНОЙ СУДЪ
И
ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ
КРЕСТЬЯНЪ.

Изданіе Юридическаго Книжнаго Магазина Н. К. Мартынова,
Коммисіонера Государственной Типографіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. МЯРКУШЕВА (бывш. Н. ЛЕВВЕВА). Невскій, 8.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	1
Вступленіе	3
Глава I. Русская юридическая литература о волостномъ судѣ и обычномъ правѣ	9
Глава II. Историческія основы современнаго устройства волост- ного суда	50
Глава III. Волостной судъ по закону 19 февраля 1861 г. и его не- достатки	56
Глава IV. Реформа волостного суда по закону 12 іюля 1889 г. . .	67
Глава V. Законъ и обычай въ современной гражданской правовой жизни крестьянъ	87
Глава VI. Подчиненіе крестьянъ гражданскому кодексу	108
Глава VII. Желательная организація народнаго суда	126

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы предприняли настоящее изслѣдованіе, посвященное изученію современнаго состоянія волостного суда и выясненію вопроса о желательной его реформѣ въ томъ убѣжденіи, что теперь настало время для полной реорганизаціи народной юстиціи.

Настоящее сочиненіе печаталось отдѣльными статьями въ журналахъ. Издавая ихъ вмѣстѣ, мы подвергли ихъ пересмотру и исправленію. Главнымъ образомъ передѣлана послѣдняя часть сочиненія—посвященная вопросу объ изданіи гражданскихъ законовъ для крестьянъ. Въ журнальныхъ статьяхъ излагая мысль о необходимости созданія такихъ законовъ и признавая это единственнымъ средствомъ для устраненія современнаго хаоса правовыхъ отношеній среди крестьянъ, мы употребляли терминъ «кодификація обычнаго права».

Мысль наша, какъ и надо было ожидать, встрѣтила возраженія. Вдумываясь въ нихъ, мы пришли къ убѣжденію, что возраженія эти усиливаются, отчасти, благодаря самому термину, который не вполне точно передаетъ мысль. Многіе, останавливаясь на этомъ терминѣ, полагаютъ, что мы хотимъ кодифицировать всѣ разнообразныя обычаи, регулирующіе гражданскую правовую жизнь народа, во всѣхъ ихъ мѣстныхъ различіяхъ и безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ въ подробностяхъ. Совершенно справедливо считая такую работу невыполнимой—оппоненты наши смотрятъ на наше предложеніе такой кодификаціи какъ на утопію.

Между тѣмъ мы очень далеки отъ подобнаго предложенія. Наша мысль сводится, въ этомъ отношеніи, къ слѣдующему положенію, по нашему мнѣнію безспорному:

Правовая жизнь крестьянъ, вслѣдствіе отсутствія регламентаціи ея закономъ, находится нынѣ въ крайне неопредѣленномъ положеніи, полномъ противорѣчій и неясностей. Такое положеніе плодитъ споры и тяжбы, и судъ, лишенный руководства закона, безсиленъ водворить торжество права въ крестьянской жизни. Необходимо подчинить крестьянъ твердымъ, опредѣленнымъ нормамъ гражданского права. А эти нормы должны быть почерпнуты изъ народного правосознанія, выражающагося въ обычномъ правѣ, основныя начала котораго общи всему русскому народу.

Эта мысль наша не нова. Она впервые была выражена еще на первомъ съѣздѣ юристовъ въ Москвѣ и съѣздъ раздѣлилъ ее. Затѣмъ она высказывалась не разъ въ литературѣ *) Между прочимъ, ее раздѣлялъ Кавелинъ.

Не желая создавать лишнихъ затрудненій въ усвоеніи этой мысли, признаваемой нами безусловно правильной и требующей скорѣйшаго осуществленія, мы въ настоящемъ сочиненіи вмѣсто термина «кодификація обычнаго права», придерживаемся выраженія «гражданскіе законы, основанные на обычно-правовомъ сознаніи крестьянъ». Тамъ-же, гдѣ мы сохранили терминъ «кодификація обычнаго права», мы просимъ его понимать въ указываемомъ смыслѣ, какъ введеніе въ кодексъ гражданскихъ законовъ лишь главныхъ началъ юридическихъ обычаевъ.

Авторъ.

*) Этому вопросу посвященъ и специальный рефератъ А. М. Евреиновой, читанный въ Спб. Юрид. обществѣ, 12 февраля 1883 года.

ВСТУПЛЕНИЕ.

— — — — —

Всѣмъ извѣстно то постановленіе нашихъ основныхъ законовъ, которое гласитъ, что Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ отъ Самодержавной власти исходящихъ и которое предписываетъ, чтобы всѣ безъ изъятія мѣста и лица утверждали свои опредѣленія на точныхъ словахъ закона *).

Всѣмъ извѣстно также, что такое постановленіе въ отношеніи суда, составляющаго отрасль «управленія» въ обширномъ смыслѣ, далеко не точно.

Громадная масса русскихъ подданныхъ изъята отъ дѣйствія суда, постановляющаго свои рѣшенія «на точныхъ словахъ закона» и судится «по обычаямъ» ей одной вѣдомымъ и не только не получившимъ утвержденія Верховной власти, но и нигдѣ не писаннымъ.

Крестьянское населеніе въ Россіи, составляющее 82% общаго числа жителей, пользуется правосудіемъ такого суда, обращаясь лишь въ исключительныхъ случаяхъ къ помощи суда короннаго.

Если мы прибавимъ къ этому и нѣсколько милліоновъ инородцевъ, которые также судятся по своимъ «обычаямъ» и своими народными судами, то окажется, что писанные законы въ сферѣ гражданскаго права и обширной массы правонарушеній созданы собственно для самой незначительной части населенія Имперіи.

*) 47 и 65 Осн. Зак.

Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ станетъ понятнымъ изъ этого громад-ная важность вопроса о правильномъ устройствѣ народнаго суда, рѣшеніями котораго ограждаются права болѣе чѣмъ 80 милліоновъ подданныхъ Имперіи! Намъ станетъ понятнымъ, что вопросъ о томъ, удовлетворяетъ-ли народный судъ своему назначенію, и если нѣтъ, то въ какія условія онъ долженъ быть поставленъ для того, чтобы удовлетворять ему, является вопросомъ первостепенной государственной важности.

Такъ и смотрѣло на него одно время наше правительство, когда въ концѣ 60-хъ годовъ учредило знаменитую комиссію, чрезвычайно добросовѣстно и умѣло воспользовавшуюся своими полномочіями и доставившую, благодаря изданію своихъ трудовъ, возможность обстоятельно ознакомиться съ обширнымъ матеріаломъ данныхъ о состояніи волостного суда. Но заслуга комиссіи заключается не только въ томъ, что она изслѣдовала состояніе волостныхъ судовъ, но и въ томъ, что она извлекла изъ подлинныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ необыкновенно важный матеріалъ по обычному праву, вѣками слагавшемуся въ нѣдрахъ русскихъ народныхъ массъ и этимъ могучимъ образомъ способствовала изученію обычнаго права.

Рядомъ съ правительственной инициативой шла и инициатива частныхъ лицъ, направившихъ свои труды какъ на новыя изслѣдованія о народномъ судѣ, и обычномъ правѣ, каковы работы Чубинскаго, Ефименко, Якушкина, такъ и на обработку собраннаго матеріала. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выдаются работы Оршанскаго, Скоробогатова, Заруднаго, проф. Пахмана (по обычному гражданскому праву) и проф. Кистяковского (по уголовному праву).

При свѣтѣ всѣхъ этихъ изслѣдованій русское обычное право получило весьма обстоятельную обработку и русская юридическая литература можетъ справедливо гордиться своими трудами по этой отрасли правовѣдѣнія. Не менѣе тщательной обработкѣ подвергся и вопросъ о современномъ состояніи волостныхъ судовъ, какъ судовъ обычнаго права.

Періодъ собранія фактическаго матеріала смѣнился въ 70-хъ годахъ періодомъ критической оцѣнки этого матеріала. Появилась цѣлая серія статей и изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ о значеніи обычнаго права для законодателя, о значеніи обычнаго

права, какъ правовой нормы для народнаго суда, о достоинствахъ, недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ въ сферѣ организаціи народной юстиціи.

Съ 70-хъ годовъ и по настоящее время вопросы эти не сходятъ со страницъ юридическихъ журналовъ, раздѣляя юристовъ на два рѣзко противоположные лагеря, до сихъ поръ не нашедшихъ себѣ почвы для какого-либо соглашения.

Въ настоящее время вопросы эти получили снова жгучій интересъ. До реформы волостнаго суда, связанной съ введеніемъ пол. о зем. начальникахъ, каждый изъ представителей того или иного направленія могъ убаюкивать себя мыслью, что его взгляды раздѣляются большинствомъ, что они достаточно уже выяснены въ литературѣ и что несомнѣнно они восторжествуютъ на практикѣ.

Теперь, съ введеніемъ положенія о зем. нач. дѣло измѣнилось. Тѣ начала, на которыхъ существовалъ волостной судъ, получили большее развитіе и небывалое значеніе въ народной жизни. Очень понятно, что влѣдствіе этого оживилась и полемика о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ началъ.

Едва-ли въ русской юридической литературѣ есть другая сфера вопросовъ, которая порождала-бы такое разногласіе изслѣдователей.

И любопытная вещь! Представителями діаметрально противоположныхъ взглядовъ въ вопросахъ о народной юстиціи являются писатели, принадлежащіе къ одному и тому-же лагерю, люди вполне солидарные во взглядахъ на другіе жизненные вопросы русской юридической дѣйствительности!

Проф. Кистяковскій, напр. и г. Обнинскій, первый выдающійся теоретикъ-криминалистъ, второй криминалистъ практикъ—оба ярые поклонники великихъ принциповъ судебныхъ уставовъ 64 года, оба представители одинаковыхъ взглядовъ на задачи государства въ сферѣ уголовной репрессіи, и однако принципиальные и непримиримые противники во взглядѣ на волостной судъ и обычное право! Проф. Пахманъ и Табашниковъ—два цивилиста, также согласныхъ во многихъ вопросахъ гражданскаго права и безусловно несогласныхъ во взглядѣ на обычное право и значеніе его для законодателя.

Разногласіе обостряется необыкновенно страстнымъ тономъ писателей обоихъ лагерей, ихъ несокрушимой вѣрой въ правоту своего взгляда и въ заблужденіе противника. Г. Табашниковъ въ своей

надѣлавшей много шума статьѣ, объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, называетъ защитниковъ самостоятельности народнаго суда и обычнаго права: «не въ мѣру ретивыми народниками, ослѣпленными фанатизмомъ народничества», «мнимыми вѣщателями народнаго самосознанія» *) и т. под. эпитетами. Г. Обнинскій въ своей статьѣ «опрощенное судоговореніе» **), скептически относясь къ самому факту существованія обычнаго права въ народѣ, говоритъ, что юридическій обычай «представляется ему тѣмъ привидѣніемъ, о которомъ *суетворные люди* говорятъ очень много и очень доказательно, но въ которое все-таки отъ этого не вѣрится людямъ, суетвѣріемъ не тронутымъ» ***). Бразоль обвиняетъ защитниковъ обычнаго права въ кабинетности ихъ теорій, въ незнакомствѣ изслѣдователей съ дѣйствительной жизнью крестьянъ. Онъ приглашаетъ этихъ изслѣдователей бросить городскія квартиры и ѣхать въ деревню, чтобы на мѣстѣ изучить положеніе дѣла, очевидно забывая, что большинство защитниковъ обычнаго права—люди изучившіе его изъ первыхъ рукъ, люди близкостоявшіе къ народу и вѣроятно сталкивавшіеся съ нимъ, не меньше, чѣмъ ахтырскій предводитель дворянства. Въ сознаніи своей безусловной правоты Бразоль забываетъ, что Чубинскій, Ефименко, Якушкинъ сами собрали обширный матеріалъ по обычному праву, сами для этого посѣщали засѣданія волостныхъ судовъ, сами знакомились съ правовыми взглядами народа изъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ, что Оршанскій видимо близко знакомъ съ практикой крестьянскихъ учреждений, а Зарудный съ 1861 г. втеченіи цѣлаго ряда лѣтъ состоялъ мировымъ посредникомъ въ Екатеринославской губ. и всю жизнь неустанно слѣдилъ за практикой крестьянскаго дѣла, близко и непосредственно изучая бытъ крестьянъ.

Защитники обычнаго права, съ своей стороны, не менѣе страстно отстаивая свои мнѣнія, указываютъ, и съ большимъ правомъ, на незнакомство своихъ противниковъ съ обычно-правовыми воззрѣніями народа, на «отчужденность между высшими и низшими классами населенія», поражающую такой странный взглядъ, что все, что не имѣетъ практическаго значенія для высшихъ классовъ не

*) «Журн. гр. и уг. пр.», 1885 г., № 3.

**) «Журн. гр. и уг. пр.», 1892 г., № 2.

***) Ibid, стр. 36.

заслуживаетъ никакого вниманія, ни со стороны законодательства, ни со стороны науки *).

Въ своей запальчивости они также не отстаютъ отъ своихъ противниковъ, называя ихъ «сухими законниками», неразумными поклонниками бюрократической «рутины», фанатиками свода и судебныхъ уставовъ и т. п. не менѣе лестными эпитетами.

Мы говоримъ, что защитники обычнаго права съ большимъ правомъ указываютъ на незнакомство своихъ противниковъ съ обычаями народа, потому что къ числу защитниковъ волостного суда и обычнаго права принадлежатъ люди близко и специально изучавшіе правовые обычаи крестьянъ, а изъ числа адептовъ полнаго упраздненія волостныхъ судовъ и подчиненія правовой жизни крестьянъ X и XV томамъ св. законовъ, мы не можемъ указать ни одного авторитетнаго знатока обычнаго права, хотя между ними и есть люди весьма компетентные въ другихъ отрасляхъ юридическихъ знаній.

Кромѣ этихъ двухъ крайнихъ воззрѣній, существуютъ писатели-юристы, придерживающіеся болѣе среднихъ взглядовъ, съ явной однако-же склонностью скорѣе пристать къ лагерю защитниковъ волостнаго суда, чѣмъ къ числу его противниковъ.

Эти писатели, какъ Тютрюмовъ, Карцовъ и др., готовы признать крупныя несовершенства волостного суда, готовы признать необходимость соподчиненія народнаго суда суду коронному, но въ то-же время они отстаиваютъ и необходимость примѣненія въ народномъ судѣ—обычнаго права.

Къ несчастью, эти писатели средняго направленія, очень малочисленные, не объединили оба крайнія направленія и потому ихъ теорія стоитъ особнякомъ и по нѣкоторымъ очевиднымъ противорѣчіямъ своимъ только даетъ пищу болѣе или менѣе злостнымъ нападкамъ на нее со стороны обѣихъ воюющихъ партій.

Существованіе такой средней теоріи не возымѣло примиряющаго вліянія. А между тѣмъ синтезъ этихъ двухъ враждебныхъ направленій не только возможенъ, но и прямо обязателенъ, ибо онъ одинъ можетъ указать на правильное разрѣшеніе задачи нормальной организаціи русской народной юстиціи.

*) Оршанскій. Народн. судъ и народн. право. Спб. 1879 г., стр. 193.

Только такой синтезъ, который будетъ произведенъ послѣ выдѣленія изъ двухъ противоположныхъ теорій тѣхъ элементовъ истины, какіе каждая въ себѣ содержитъ и который поставитъ своей цѣлью сочетать эти элементы истины вмѣстѣ и соподчинить ихъ тѣмъ задачамъ, какія должны осуществляться народной юстиціей— только такой синтезъ можетъ рассчитывать на всеобщее признаніе. Потому что самого бѣглаго взгляда на теоріи защитниковъ и противниковъ обычнаго права достаточно для того, чтобы убѣдиться, что каждая изъ нихъ содержитъ значительную долю истины.

Въ настоящемъ сочиненіи мы дѣлаемъ попытку такого синтеза. Въ немъ мы предлагаемъ реформу народной юстиціи, почерпнувъ ея основанія изъ подробнаго изученія какъ литературы предмета, такъ и состоянія волостного суда на практикѣ. И то и другое изученіе привело насъ къ совершенно одинаковымъ выводамъ.

ГЛАВА I.

Русская юридическая литература о волостном судѣ и обычномъ правѣ.

«Du choc des opinions jaillit la verité».

I.

Выше мы уже бѣгло намѣтили основныя противорѣчія юридической литературы въ отношеніи интересующихъ насъ въ настоящемъ сочиненіи вопросовъ.

Здѣсь мы приступимъ къ болѣе подробному ихъ изслѣдованію. Сначала мы остановимся на изученіи и критическомъ анализѣ взглядовъ защитниковъ волостного суда и обычнаго права, потомъ перейдемъ къ ихъ противникамъ и въ концѣ главы, въ общихъ чертахъ, коснемся теорій авторовъ, занимающихъ среднее положеніе между двумя крайними направленіями.

Изъ сочиненій защитниковъ волостного суда и обычнаго права, мы съ большей подробностью остановимся на соч. Оршанскаго, такъ какъ въ немъ доводы защитниковъ самостоятельности народного суда получили наиболѣе систематическую и полную обработку.

Всѣ послѣдующіе авторы, воспроизводя тѣ или другія положенія этого сочиненія, постоянно на него ссылаются.

Мы имѣемъ въ виду сочин. Оршанскаго «Народный судъ и народное право», печатавшееся въ Журн. Гражд. и Уг. права за 1875 годъ, а потомъ вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ.

Оршанскій былъ одинъ изъ первыхъ юристовъ, воспользовавшихся богатымъ матеріаломъ, собраннымъ «комиссіей для изслѣ-

дованія вопроса о преобразованіи волостного суда» для того, чтобы указать на особенности русскаго обычнаго права, на его несходства съ принципами, принятыми въ нашихъ писанныхъ законахъ и на связь этихъ особенностей обычнаго права съ экономическимъ бытомъ и семейнымъ и общиннымъ строемъ нашего крестьянства.

Вопросъ ставится имъ чрезвычайно опредѣленно и рѣзко. «Существуетъ-ли, спрашиваетъ онъ, какая-то особая система обычнаго права или она сводится на обыкновенія въ родѣ магарыча, какъ утверждаютъ иные *), отличается-ли она настолько отъ писаннаго закона, что возможно и желательно сохраненіе особыхъ судовъ по обычаю; заслуживаютъ-ли народные обычаи покровительства со стороны закона или, наоборотъ, необходимо преслѣдовать и искоренять ихъ, какъ источникъ всякаго рода безобразій (какъ тоже утверждаютъ многіе)? **).

Поставивъ такой вопросъ, авторъ подробно излагаетъ тѣ особенности обычнаго права, которые имъ почерпнуты изъ подлинныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ и которые вполне гармонируютъ съ данными, добытыми изъ другихъ источниковъ и съ результатами сравнительно историческаго изученія развитія права.

Эти особенности, по мнѣнію автора, вытекаютъ изъ а) принципа преобладанія трудового начала, б) принципа общей семейной собственности и в) общиннаго быта, т. е. изъ такого источника, который долженъ быть поддерживаемъ, а не разрушаемъ.

Болѣе подробное изслѣдованіе особенностей обычнаго права съ этой точки зрѣнія легко убѣдитъ всякаго непредубѣжденнаго человека въ томъ, что игнорированіе этихъ особенностей, непризнаніе ихъ въ народномъ судѣ, замѣна ихъ тѣми принципами, которые въ соответствующихъ случаяхъ приняты нашими писанными гражданскими законами было-бы равносильно разрушенію самыхъ дорогихъ чертъ строя народной жизни и, несомнѣнно, вызвало-бы чрезвычайно пагубныя послѣдствія въ экономическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, русское обычное право, этой стороны своихъ особенностей, является незамѣнимымъ матеріаломъ для народнаго суда. Но оно имѣетъ преимущество передъ писаннымъ закономъ не только въ отношеніи бѣльшаго соответствія съ жизнью и воз-

*) Недалеко ушли и нынѣшніе противники вол. суда отъ доводовъ своихъ предшественниковъ 60-хъ годовъ. Другіе люди, а тѣ-же пѣсни!

**) Орш. сіт., стр. 37.

зрѣніями той среды, въ которой оно примѣняется; оно имѣетъ преимущество и безъ относительно къ этой средѣ, что доказывается, во-1-хъ, тѣмъ, что многими своими постановленіями оно, вопреки высокому отношенію къ нему нашихъ законниковъ, ближе къ началамъ римскаго права и современнаго права европейскихъ народовъ, чѣмъ наши писанные законы, и во 2-хъ тѣмъ, что разработанностью многихъ институтовъ оставляетъ писанные законы далеко позади, нормируя такія правоотношенія, которыя нашими законами не предусмотрѣны.

Для иллюстраціи этихъ общихъ положеній, Оршанскій пользуется тѣмъ матеріаломъ, который былъ извѣстенъ въ то время въ литературѣ, и хотя нынѣ матеріалъ этотъ значительно увеличился и съ еще бо́льшей убѣдительностью подчеркиваетъ справедливость высказанныхъ положеній, но мы, имѣя въ виду изложеніе мыслей г. Оршанскаго, остановимся только на примѣрахъ и при томъ на примѣрахъ наиболѣе выдающихся, приводимыхъ этимъ авторомъ.

Данныя обычнаго права, относящіяся къ семейному и наследственному быту, имѣютъ слѣдующую существенную особенность: тогда какъ въ правѣ официальномъ, писанномъ для высшихъ сословій, преобладающее значеніе имѣютъ правоотношенія личной собственности и договора, а семейный бытъ и регулирующія его нормы отступаютъ на задній планъ, въ народномъ обычномъ правѣ главное значеніе имѣютъ наоборотъ правоотношенія не только наследственные, но и семейственные въ тѣсномъ смыслѣ.

Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этой области Оршанскій считаетъ различіе, которое рѣзко выступаетъ при сравненіи официального, каноническаго и народнаго воззрѣнія на бракъ. Исторія сводныхъ, раскольничьихъ браковъ, по его мнѣнію, доказываетъ всю живучесть народнаго воззрѣнія на бракъ, какъ на институтъ права гражданскаго, въ которомъ главную роль играютъ чисто-гражданскіе моменты: взаимнаго согласія, родительскаго благословенія и оглашенія передъ «міромъ». Когда, по разнымъ причинамъ, масса раскольниковъ должна была отстать отъ официального брачнаго права и выработать свое собственное ученіе по этому предмету, она построила свой семейный бытъ именно на этихъ народныхъ началахъ. Сводные браки, согласно свидѣтельству Мулова и др., существуютъ не только у раскольниковъ, но и у пра-

вославныхъ, причемъ недостатокъ церковнаго вѣнчанія нисколько не мѣшаетъ народу видѣть въ нихъ дѣйствительные браки.

Кромѣ того, особенность брака у крестьянъ заключается въ томъ, что бракъ разсматривается не какъ личное дѣло участвующихъ лицъ, а какъ общественное дѣло. Не вѣнчаніе, а свадебный пиръ есть моментъ окончательнаго заключенія брака и нерѣдко лишь послѣ него допускается сожитіе молодыхъ.

Въ личныхъ отношеніяхъ между супругами обычное право, какъ видно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, допускаетъ бѣльшее вмѣшательство общественной власти, чѣмъ наши законы и вмѣшательство, хотя и своеобразное, но въ большинствѣ случаевъ очень спасительное. Грубое обращеніе мужа съ женой, выражающееся въ нанесеніи женѣ побоевъ, дурная жизнь мужа, пьянство, разстраивающее хозяйство семьи—все это служитъ достаточнымъ поводомъ для вмѣшательства волостнаго суда и соотвѣтственнаго воздѣйствія его не столько карательнаго, сколько предупредительнаго характера *). Въ этомъ отношеніи волостной судъ и руководящее его рѣшеніями обычное право, по мнѣнію Оршанскаго, выгодно отличаются отъ нашего писаннаго права, не только оставляющаго безъ защиты хозяйственные интересы семьи, страдающіе отъ дурнаго поведенія главы ея, но и признающаго ненаказуемымъ буйство въ собственномъ домѣ.

Не менѣе рѣзко отличаются воззрѣнія русскаго обычнаго права и законодательства на имущественныя отношенія супруговъ. Принципъ раздѣльности имущественныхъ правъ супруговъ совершенно чуждъ обычному праву.

Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне заявляли комиссіи, что имущество супруговъ у нихъ общее. Съ мужа присуждается долгъ женѣ на томъ основаніи, что въ «крестьянскомъ быту каждая женщина по выходѣ въ замужество передаетъ все свое имѣніе въ полное распоряженіе мужа, и безъ его согласія не можетъ распоряжаться». Если договоръ заключенъ женой, живущей совмѣстно съ мужемъ, то при неисполненіи мужъ тоже отвѣчаетъ. Относительно приданнаго Оршанскій также указываетъ на то, что постановленія обычнаго права и болѣе разработаны, чѣмъ соотвѣтствующіе «лишен-

*) См. Свидѣтельства о томъ-же у Скоробогатова въ его „Очеркахъ крестьянскаго суда“ и у другихъ авторовъ.

ные, по мнѣнію автора, какъ юридическаго, такъ и практическаго смысла» постановленія свода законовъ, и ближе соотвѣтствуютъ началамъ римскаго права и новыхъ иностранныхъ законодательствъ.

Трудовое начало и общность семейной собственности—это два принципа, проходящіе черезъ всѣ институты не только брачнаго и семейнаго права, но и права наследственнаго и вещнаго.

Общая семейная собственность въ особенности отличаетъ обычное право отъ права писаннаго и обнаруживается не только на обычаяхъ, регулирующихъ наследственные отношенія, но и на отношенія семьи при жизни домовладыки. Долгъ, сдѣланный однимъ изъ членовъ семьи, падаетъ на всю семью, такъ какъ предполагается, если не доказано противное, что заемъ сдѣланъ былъ на общія потребности семьи. Долгъ изъ общественной кассы также предполагается сдѣланнымъ на нужды всей семьи.

Въ сферѣ права наследованія особенность обычного права, въ частности, выражается: 1) въ обычаяхъ, нормирующихъ право-наследованія вдовы послѣ умершаго мужа. Здѣсь обычай, собранный изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга уголковъ нашего отечества, съ поразительнымъ однообразіемъ указываютъ на то, на сколько такое право тѣсно связано съ экономическими условіями. Если мужъ велъ самостоятельное хозяйство—жена является наследницей совмѣстно съ малолѣтними сыновьями покойнаго, получая имущество мужа въ пожизненное пользованіе. Если-же мужъ былъ только членомъ нераздѣльной семьи, жена остается въ этой семьѣ въ положеніи работницы, не наследуя въ имуществѣ мужа.

2. Дочери не являются наследницами, при существованіи мужского поколѣнія: онѣ имѣютъ только право на полученіе приданнаго.

3. Отдѣленные дѣти не участвуютъ въ наследствѣ, потому-что выдѣлъ есть своего рода антиципація наследства.

4. Незаконнорожденные дѣти, равно какъ и пріемыши, участвуютъ въ раздѣлѣ наследства наравнѣ съ законными дѣтьми.

5. Завѣщательныя распоряженія, обходяція наследниковъ, признаваемыхъ таковыми по обычаю, не получаютъ санкціи и считаются ничтожными.

Въ отношеніи договорнаго права Оршанскій ставитъ народную юстицію выше коронной, во-1-хъ потому, что, по его мнѣнію, народные обычаи разрѣшаютъ суду входить въ обсужденіе существа самыхъ договорныхъ отношеній, въ какую-бы форму они не были